

ЗАМЕТКИ О ГРАНТАХ И ТЕХ, КТО ИХ ПОЛУЧАЕТ

(вместо предисловия)

Московский общественный научный фонд (МОНФ) — существующее с 1993 года негосударственное некоммерческое объединение, ставящее своей целью содействие развитию гуманитарного и общественно-политического знания в России и СНГ.

В течение пяти лет МОНФ выделяет гранты на проведение научных исследований по истории, экономике, социологии, а также политологии ученым до 40 лет, победители среди которых выявляются в ходе двух туров отбора. Основное внимание уделяется поддержке молодежи и женщин-ученых.

Всего за время своего существования МОНФ выделил 429 годичных исследовательских грантов (в том числе гранты для четырнадцати небольших коллективов).

Поскольку конечным результатом своей работы по гранту большинство исследователей уже в заявке называют статью или серию статей, в МОНФ издаются тематические сборники работ победителей. Но прежде некоторые сведения о самих финалистах и победителях.

Групповой портрет грантополучателей

Анализ анкет, прилагаемых к заявкам на получение гранта, а также почтовый опрос, проведенный весной 1998 г., и статистики, ведущейся Фондом, позволил выявить некоторые характеристики финалистов и грантополучателей (далее именуемых также успешными заявителями) первых четырех конкурсов. Эти характеристики не только существенны для деятельности самого МОНФ, но и, думается, интересны для читателей данного сборника. При анализе результатов сравнивались сведения, полученные от заявителей, успешно участвовавших в разных (от первого до четвертого) конкурсах, от финалистов и победителей, а также от мужчин и женщин.

Изучение собранных данных (исследовано 843 анкеты и опрошено 398 успешных заявителей), а также статистики фонда показало, что до 1998 г среди победителей было несколько больше *мужчин*, но доля женщин постепенно растет и в 1998 г они составили большинство победителей. Растет от конкурса к конкурсу и доля более *молодых* ученых, а также выпускников социогуманитарных вузов (в среднем за пять лет составляющих 80% грантополучателей), лиц, работающих в учебных заведениях (в среднем 52%).

Сотрудники *академических* институтов оказываются в целом более успешными соискателями грантов, но их доля снижается (возможно, в том числе и поскольку они переходят работать в вузы). Обнаружено также, что среди фина-

листов представлены более «остепененные» мужчины и менее «остепененные» женщины. В целом успешными оказываются все чаще лица, не только с самых молодых лет избравшие ориентацию на научную деятельность, но и достигающие некоторых успехов в этой сфере.

Остановимся на этом обстоятельстве несколько подробнее.

Судя по полученным ответам, за два года, предшествовавших опросу, 60% финалистов и всем победителям конкурса МОНФ уже приходилось получать какие-либо гранты на различные цели.

Согласно подсчетам, в среднем на каждого финалиста приходилось 1.05, а на каждого победителя как минимум 1.52 гранта¹(неоднократное получение однотипных грантов не учитывалось). В обеих группах в первую очередь речь шла о грантах для проведения исследования, о чем сообщили 42% финалистов и три четверти грантополучателей. Затем назывались поездки на конференции, проведение семинаров.

Опыт работы по грантам, имеющийся у победителей, в частности, означает, что в МОНФ они отбираются не случайно, по крайней мере критерии экспертов разных фондов в данном случае совпадают.

Что за смысл вкладывают респонденты в заявку, адресуемую фондам?

Ответы показали, что наибольшее значение придается стипендии исследователю, и «вес» ее у участников более поздних конкурсов растет, причем за счет всего остального (средств, покрывающих другие расходы, связанные с исследованием, а также выделенных на поездки, публикации, на подключение к Интернету²), особенно среди победителей.

Почти половина грантополучателей сообщили, что поддержка МОНФ позволила им сделать определенные исследования. Каждый пятый даже признает, что грант позволил ему (ей) сохранить статус исследователя и не оставлять научное поприще (об этом несколько чаще говорили мужчины).

Грант «...помог выжить моей семье, а работу я все равно менять не собираюсь»; «...создал условия для профессионального роста», «позволил приобрести оргтехнику» и т.п.; в полученных ответах речь нередко шла также о деятельности Фонда, который «...открыл возможность для интересных научных контактов»; «оказал моральную поддержку, что очень важно для меня».

Еще четверть участников опроса сообщили, что благодаря гранту они не отвлекались на другую работу в целях подработки, не стали заниматься деятельностью, никак не связанной с их профессией.

Анализ ответов показал, что в среднем финалисты на момент опроса (весна 1997 г) имели 2.06 места работы, а грантополучатели — 1.53; подрабатывают и те и другие чаще всего в вузе, и обычно не в одном, затем—в научно-исследовательских институтах, реже в консультационных службах, маркетинговых агентствах и подобных организациях, предполагающих использование их научных знаний).

Конечно, «вес» стипендии в две тысячи американских долларов на девять месяцев за 1993-1998 гг. снижался в связи с относительно низким обменным курсом. Неудивительно поэтому, что доля выбравших первый ответ из приведенных от конкурса к конкурсу также снижалась.

1 Имелись в виду о гранты, выделенные другими организациями.

2 Перечислено по мере убывания числа голосов

Отношения наука — практика глазами респондентов

Тематика заявок, отбираемых МОНФ, является актуальной и общественно значимой. Это — важнейшие критерии отбора проектов для финансирования. Какими видят свои заявки в этой связи успешные заявители спустя некоторое время?

Анализ почтовых анкет показал, что заявители в большинстве (85%) случаев и сами полагали, что их заявки общественно значимы.

В обсуждаемом исследовании, помимо прочего, выяснялось, что, по мнению респондентов, следует сделать, *чтобы повысить престиж общественных наук в России.*

В условиях, когда средняя зарплата ученых не обеспечивает прожиточного минимума даже для одного человека, неудивительно, что *на первое место* опрошенные ставят увеличение и стабилизацию *финансирования науки* (этот ответ дали в том или ином варианте 53% опрошенных). Помимо этого каждый пятый говорит об изменении *принципов* финансирования научных работ, в том числе за счет расширения числа фондов, привлечения спонсоров.

Предлагалось «проводить больше конкурсов»; «сократить численность исследователей и оставшимся увеличить зарплату», «сделать исследования самокупаемыми», «сделать целевое финансирование», «привлекать частный капитал, ужесточить условия аренды помещений и использовать эти средства на исследования» и др.

На втором месте — изменение общей ситуации с высшим и средним образованием. Опрошенные говорили о необходимости его «гуманизации», о «просвещении в социальном плане», и т.п. Помимо этого предлагалось внести существенные изменения в образовательные программы и заниматься в первую очередь переобучением взрослых (в том числе «гуманизировать политиков», «просвещать чиновников»). Интересно, что женщины оказались здесь наиболее активными. Именно они выражали такую точку зрения значительно чаще и среди финалистов, и среди грантополучателей.

Затем речь шла о необходимости *изменить отношение властей* к общественным наукам (в том числе «выработать и соблюдать законы о науке»), о чем написал каждый шестой участник опроса.

Шире *публиковать* сообщения о науке в средствах массовой информации, а именно сообщать о достижениях, открытиях, рассказывать о проблематике и т.п. предлагали каждый десятый финалист и каждый пятнадцатый победитель.

«Другие» ответы набрали от четверти (грантополучатели) до трети (финалисты) голосов; все ответы представлены здесь по мере убывания числа упоминаний:

— повысить *статус ученого* (это связывалось непосредственно с оплатой труда);

— повысить *качество* исследований (добиваться их объективности, результативности, «учитывать региональные аспекты», «расширять круг исследований» и т.п.);

— проводить больше *прикладных* исследований («доводить научное исследование и разработки до логического завершения: публикация, выступление, внедрение и т.п., то есть получение результата»; «и естественные, и общественные науки в равной степени должны сбросить груз узкого академизма и обратиться к реальным проблемам страны. Только это вернет науку к жизни» и т.п.).

Интересно, что наряду с относительно конкретными высказываниями, которые можно признать ответами по существу, немало мы получили и безадресных обращений, составивших примерно 8% полученных реакций.

В содержании и тональности таких высказываний о связи науки и общества заметны социальный инфантилизм («науке все должны, а наука должна быть тем, чем она является сейчас»; кто-то должен «сделать доходы ученых более стабильными»; «гарантировать востребованность государством», «сформировать научное сообщество»; «социальным наукам должно быть возвращено право быть стратегическими»; «заставить ученых работать» и под.

Заметен в размышлениях некоторых опрошенных по поводу взаимоотношения общества и науки также и своеобразный комплекс скромности, и фатализм: «наука должна поменьше напоминать о себе и своих проблемах — они слишком малозначительны по сравнению с проблемами страны. Придет время, и скромность будет замечена»; «современное положение науки в России соответствует общему положению страны. Сколько-то можно облегчить положение науки и ученых, но не изменить его» и др. — 4% ответов.

А что социальные науки сегодня, в эпоху резких общественных перемен, могут дать обществу?

По мнению опрошенных, в *первую очередь* им следует заняться *просветительской* деятельностью.

Предлагалось «демифологизировать общественное сознание», «повышать культуру народа», «говорить о росте самосознания общества»; «показать обществу необходимость обновления власти»; «воспитать уважение к праву, раскрыть историческую роль России как своеобразного элемента европейской цивилизации, влиять на власть имущих (на что, впрочем, мало надежды)»; «в активном позитивном воздействии на общественное сознание с целью его совершенствования» и др.

Второе место среди ответов заняло предложение развивать *объективность и независимость исследований*, что, впрочем, в ряде случаев понималось весьма специфически: ученым предлагалось не работать с населением или властями, а, напротив, углубиться в академические кущи.

Речь шла о том, чтобы «с обслуживания правительства и правительственных структур переключиться на поиск истины»; «задача социальных наук сегодня говорить, искать правду».

Третье место принадлежит предложению обратить внимание на *социально-практическую функцию* науки и заняться прогнозированием, выработкой социальных программ (впрочем, здесь не уточнялось, следует ли знакомить кого-либо из внешней по отношению к науке среды с этими программами, предлагаемыми приоритетами и т.п.).

Четвертое место в ответах респондентов было отдано сугубо научно-исследовательской, *кабинетной* работе, связанной с разработкой новых понятий, уточнением новых концепций, адаптацией зарубежных теорий к реалиям России, теоретическим анализом событий.

На пятом месте оказалось общее понимание происходящего; речь шла, однако, не просто о социальной компетентности, об осознании особенностей текущей ситуации ученым, поскольку неоднократно предлагалось проявлять

настойчивость в выражении своей точки зрения, стремиться даже проводить в жизнь свои идеи.

Предлагалось «отстаивать свою точку зрения», «противостоять приватизации общественного сознания», «способствовать выдвижению компетентных политиков», «противодействовать СМИ».

Среда «*других*» ответов обращает на себя внимание то, насколько односторонней видят респонденты работу с властями: наиболее часто участники опроса сетуют, что никто не хочет «дать заказа», жалуются на невнимание властей: «социальная наука умеет отвечать на вопросы, но не всегда вопросы ставят перед ней»; «власть предрекшим ни социальные науки, ни социальное развитие ни к чему».

Здесь же хотелось бы упомянуть также некоторые *ответы не по существу*, в которых, однако, отражалась не столько озабоченность отсутствием взаимодействия с практикой, сколько активное неприятие самой возможности подобного взаимодействия.

Вклад общественных наук может состоять... «ни в чем. Р.Парк считал, что социолог может внести в науку свой вклад, если не станет исправлять кого-либо. Социологи не следует заниматься изобретением реформистских программ и не следует помогать тем, кто призван их создавать».

С учетом особого интереса МОНФ к общественно значимой проблематике заявок в почтовом опросе специально *обсуждался опыт взаимодействия с властями*, инициативность успешных заявителей.

Конечно, у представителей различных дисциплин имеются неодинаковые возможности для проведения прикладных исследований, и экономисты, политологи и социологи находятся в заведомо более выгодном положении по сравнению, скажем, с историками. Тем не менее, как уже отмечалось, большинство (85%) опрошенных полагали, что их заявка в МОНФ непосредственно затрагивала какие-то общественно значимые темы. И многие имели возможность инициировать какие-то исследования, способные заинтересовать местные власти. Привело ли это к каким-нибудь результатам?

По мнению трети опрошенных, выполненное ими инициативное исследование влияния на решения местной или любой другой власти не оказало. Каждый пятый полагал, что какой-то эффект был (остальные затруднились оценить последствия или же никаких прикладных работ не проводили).

В опросе речь шла также и о *непосредственном сотрудничестве* респондентов как профессионалов с властями. Как выяснилось, у трети респондентов подобного опыта нет вовсе, причем доля таких лиц среди финалистов растет, а среди грантополучателей — относительно стабильна. Остальные имели некоторый опыт сотрудничества, хотя у большинства из них он носил временный характер или вообще имел место лишь однажды (разовые контакты оказались чаще характерными для грантополучателей). В любом случае лиц, имевших такие контакты, больше, чем тех, кто сотрудничает с властями на постоянной основе. Что же касается периодических контактов, то среди финалистов они от конкурса к конкурсу становятся несколько более частыми, а среди грантополучателей, напротив, — все более редкими.

Интересно, что когда респонденты говорили о *прикладных* исследованиях, они имели в виду лишь те, которые им заказали или могли бы заказать ка-

кие-то *политические* силы; любые самоуправляемые, некоммерческие образования в таком качестве здесь не выступают или во всяком случае не упомянуты (впрочем, возможно, это отчасти отражает платежеспособность разных потенциальных заказчиков). Говоря об «обслуживании» властей, респонденты в основном демонстрируют отсутствие каких-либо намерений стимулировать такой спрос на свои услуги. Более того, такое обслуживание видится успешным заявителям в негативном плане, как деятельность, достойная порицания.

Публикации

Рост числа периодических изданий, наблюдавшийся до второй пол. 1998 г, оперативность их выхода в свет, развитие регионального и местного теле- и радиовещания предоставляли ученым относительно широкие возможности для популяризации их работ. Неудивительно, что обращением в МОНФ исследовательская активность соискателей, даже успешных, отнюдь не ограничивается. Опрос показал, что примерно половина (52%) финалистов и еще больше (70%) победителей свои работы, написанные по теме заявок, уже опубликовали или в дни опроса собирались опубликовать и знали, где это будет сделано. Примерно трети опрошенных уже приходилось выступать в средствах массовой информации с интересовавшей их в связи с конкурсом МОНФ тематикой, но такая активность от конкурса к конкурсу снижается.

Социальная активность грантополучателей

Известно, что социальная активность ученых выражается не только в работе с властями, не только в распространении научных достижений через средства массовой информации как одном из институтов гражданского общества, но и в *личном участии* в деятельности этих институтов. Добровольные ассоциации является одним из них. Тот факт, что профессиональные объединения ученых в нашей стране довольно слабы и существуют в основном на бумаге, известен довольно широко.

Это подтвердили и результаты проведенного опроса. В среднем членами различных *профессиональных* ассоциаций (историков, политологов, социологов, экономистов) считает себя примерно треть опрошенных, но в то же время в анкетах нередко были не только исправления ответа «не являюсь» на ответ «являюсь», что отражает неуверенность опрашиваемого, но также и комментарии, сделанные самими респондентами, например: «пассивный член», «член, но не помню чего».

* * *

Результаты исследования мнений и поведения успешных заявителей показали, что свои уставные задачи МОНФ выполняет. Что же касается собственно научного сообщества, то его социальная роль вряд ли выглядит существен-

ной в глазах самих успешных заявителей как его элиты. Работа с властями представляется им чем-то не слишком желательным; членство в добровольных ассоциациях, обращения к населению через средства массовой информации значительную часть опрошенных не интересуют.

Интересно отметить, что при обсуждении социальной функции общественных наук в большинстве случаев они говорят о разных *внешних* обстоятельствах и других людях, но не об изменении направлений собственных исследований, не о перестройке самого хода мыслей исследователей и не о своей собственной большей ориентации на прикладные исследования. Похоже, многие опрошенные не отличаются особой социальной активностью и занимают выжидательную позицию, полагая, что заинтересованные в их знаниях практики сами должны к ним обращаться. Научная экспертиза, консультирование, другие формы взаимодействия с практикой оказываются на периферии обсуждения взаимоотношения науки и общества. Похоже, респонденты чаще готовы обсуждать и изучать социальную адаптацию как абстрактную научную проблему (и не без пользы, о чем, думается, и свидетельствуют статьи настоящего сборника), но не адаптироваться самим к иным социальным условиям функционирования науки в перестраивающейся стране. Лишь некоторой части грантополучателей удастся сочетать свой научный интерес с удовлетворением интереса практиков (доля их, хотя и не большая, от конкурса к конкурсу увеличивается).

О сборнике «Способы адаптации населения к новой социально-экономической ситуации в России»

Сборник, предлагаемый вниманию читателей, составлен из работ социологов-грантополучателей. Хотя МОНФ поддержал в 1997-1998 гг. 18 исследователей-социологов и два небольших исследовательских коллектива, а также несколько междисциплинарных проектов, заслуживающими публикации в сборнике эксперты МОНФ признали всего 11 работ³.

Опыт многолетней экспертизы заявок показывает, что среди заявителей существует немало исследователей, которые научились писать весьма интересные и убедительные заявки, но в силу самых разных причин взятые на себя обязательства по исследованию полностью оказываются не в состоянии. И дело не только в скромном размере стипендии, но и, возможно, в относительной неопределенности требований, предъявляемых МОНФ (а также и другими отечественными научными фондами) к конечной продукции грантополучателей — предполагается, что текст будет представлен в виде, готовом к публикации. А представления об этом, как выясняется, у грантополучателей довольно разные и зачастую далекие от того, чего обычно ждут редакции и редакторы.

3 Еще один отчет; написанный М. А. Шабановой — победительницей всех пяти конкурсов МОНФ, эксперты рекомендовали опубликовать наряду с предыдущими в виде отдельной монографии.

В этой связи и у редактора настоящего сборника были значительные трудности. Помимо упомянутых, эти трудности связаны также с попыткой упрячь в одну упряжку «коня и трепетную лань» — работы интересные, но посвященные разным темам, в разной степени опирающиеся на эмпирический материал, к тому же представляющий собой как результаты массовых опросов, так и исследования случая.

Работы, собранные здесь, крайне разнородны также и потому, что достойными публикации были сочтены не только сугубо социологические статьи, но и те, что были заявлены в качестве междисциплинарных (и сочтены таковыми). Социально-экономические перемены имели место не только в 1990-е гг, но и в 1960-е, и в 1920-е, и население как-то к ним приспосабливалось. Поэтому такие статьи здесь тоже показались уместными.

Подобная разнородность, а также большое количество фактического материала, особенно содержащего исторические и демографические данные, результаты опросов и «живую речь» интервьюируемых, газетные вырезки, заставили меня прибегнуть к такому оформлению текста, которое позволило бы, не заслоняя главного, сохранить пусть порой малосущественные, но интересные, характерные, неожиданные детали, которые, как и в данных заметках, даются в Сборнике мелким шрифтом.

Здесь необходимо обратить внимание на еще одно обстоятельство.

Работы, собранные в Сборнике, написаны весной 1998 года и посвящены различным аспектам социальной адаптации — тематике, которая объявлялась МОНФ в качестве приоритетной в течение ряда лет. Конечно же, ко времени выхода их в свет многое в стране изменилось. Резко снизился уровень жизни населения. Прекратили существование многие малые, средние и крупные предприятия, лопнули банки.

Вследствие всего этого, возможно, иной характер приобрела обсуждаемая здесь трудовая миграция и уж безусловно более распространенными стали миграционные намерения населения. Вряд ли сохранило смысл обсуждение малого бизнеса как заметного элемента становящейся новой социальной и экономической структуры российского общества. Обострились гендерные различия в области занятости. Этнические проблемы, вероятно, теперь находят иные формы выражения в связи с безработицей, и т.д., и т.п. Иными словами, не сохранилось того общего впечатления о имеющей место в России стабилизации, которым буквально пронизаны многие собранные здесь работы.

Тем не менее их решено было опубликовать не только как своего рода историко-социологические зарисовки периода временной стабилизации или, если угодно, замедления спада, «традиционализирующей модернизации» российского общества, зарисовки, которые имеют исключительно историческую ценность. Они несомненно интересны также и как попытки — думается, достаточно удачные — теоретического осмысления происходящих перемен независимо от того, как быстро эти перемены закончились и к чему они привели или не

привели. По-прежнему остаются актуальными вопросы, связанные с двойственным отношением к государственной власти, с участием профессионалов в добровольных ассоциациях, с изучением социальной стратификации, исследованием престижа предпринимательства в глазах властей и населения, вклада малого бизнеса в решение проблем занятости и многие другие, в той или иной мере освещенные на страницах этого издания.

Поэтому хочется надеяться, что предлагаемый вниманию читателя сборник, отражая особенности определенного периода социально-экономических перемен в России, окажется по-своему интересным и в историческом, и в теоретическом, и в методическом отношении.

Редактор благодарит сотрудников Московского общественного научного фонда Екатерину и Ольгу Новиковых за помощь в работе.

И.А. Бутенко